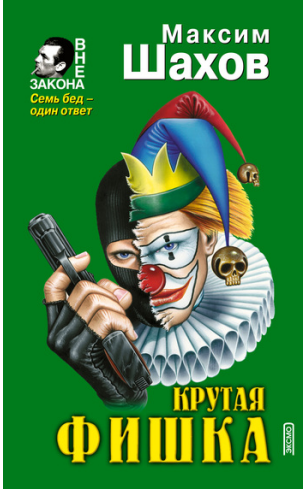

Максим Анатольевич Шахов

Крутая фишка

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151053
Шахов М. Крутая фишка: Авторский сборник: Эксмо; М.; 2001
ISBN 5-04-007425-5*

Аннотация

Крутая фишка выпала на долю компьютерщика Евгения Иванова. Мирный человек – он попал в самое пекло нескончаемых мафиозных разборок. На него охотятся и киллер Клоун, и авторитет Киргиз со своими братками, и менты, которые используют его как приманку. Так что он постоянно оказывается на волосок от гибели. Волосок тонок, но Евгений – парень не промах. Он смог уйти из-под носа почти у всех, да только теперь ему предстоит покататься с самим Клоуном...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	14
Глава 8	16
Глава 9	19
Глава 10	20
Глава 11	21
Глава 12	24
Глава 13	26
Глава 14	27
Глава 15	28
Глава 16	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Максим ШАХОВ

КРУТАЯ ФИШКА

Глава 1

Прошлым летом я купил детектив – в пестрой обложке, с каким-то жутковатым названием, короче – такой же, как и этот. И только начал его читать в сквере на скамейке, как передо мной словно из-под земли возник этот грома с перебитым носом и начал палить в меня из пистолета... Хотя, наверное, будет лучше, если я вернусь немного назад и расскажу все по порядку – чтобы вы хотя бы приблизительно представили мое состояние в тот момент.

Дело было на Пушкинской – напротив девятиэтажки НИИ прикладных исследований. Сейчас там куча всяких фирм, и приехал я туда на собеседование, потому что уже третий месяц куковал без работы. Собеседование мне назначили на десять, но секретарша сказала, что Роланд Альбертович «серьезно задерживается».

Секретарша была не в моем вкусе – одна ее блузка наверняка стоила больше, чем я заработал за прошлый год. И, чтобы не травить себе душу, я решил подождать этого гуся Альбертовича внизу. Прикатить он должен был на белой «Лянче», правда, неизвестно когда. Потоптавшись на крыльце, я посмотрел на часы и вздохнул. Было жарко, а «Лянча» и не думала показываться на горизонте.

И тогда я решил совместить полезное с приятным. Купил на книжном развале на углу самый дешевый детектив и приземлился на скамейке в сквере напротив НИИ. Парковочная площадка оттуда была как на ладони, и весь вопрос заключался в том, причалит ли Альбертович к ней на своей «Лянче» хотя бы к концу рабочего дня.

Совсем забыл сказать – со скамейкой мне сперва не повезло. На той, что была повернута к НИИ, сидел какой-то прикинутый тип в темных очках. Скамейки там узкие, и мне поначалу пришлось сесть на ту, что стояла напротив «удобной». Все бы ничего, но к НИИ то и дело подкатывали машины, и мне каждый раз приходилось оглядываться через плечо.

А тут еще откуда-то из кустов вылез бомж в огромном замусоленном дождевике и с бородой, как у Карла Маркса, он принялся выкладывать из урны на мою скамейку всякие объедки. Я, конечно, брезгливо отодвинулся и тут же услышал:

– От тюрьмы да от сумы не зарекайся...

– Что? – растерянно спросил я.

– То, что слышал... – продолжая копаться в урне, сказал бомж.

Голос у него был какой-то странный – не хриплый и скрипучий, а наоборот – чистый и звонкий, как если бы он пел в церковном хоре мальчиков. Тут к НИИ подкатила очередная иномарка, и я снова оглянулся. Само собой, это была не «Лянча».

Стало ясно, что спокойно почитать мне навряд ли удастся. Во всяком случае, пока этот тип не освободит скамейку. Он пару раз поглядел на часы, но уходить пока что не собирался. Тем временем бомж закончил копаться в урне, сгрузил объедки в сумку и поковылял по аллее дальше.

Машин пока что не было, и я в пятнадцатый раз прочитал первую строчку детектива. И тут у типа на поясе запиликал телефон.

– Алло!.. – проговорил он, приложив трубку к уху. – Что?.. Блядь!.. Я понял! Все...

На стоянку завернула «Мазда», я проводил ее тоскливым взглядом, а когда повернулся, увидел, что тип наконец-то сматывается. Я тут же пересел на его место и снова принялся за детектив. На этот раз мне удалось прочитать целую страницу, и отвлёкся я только на «Запорожец», задымивший всю улицу. «Запорожец», не сворачивая, прогремел дальше, и я уви-

дел, что тип в темных очках как раз миновал таксофон на углу и сворачивает на Воропаевскую.

Правда, тогда мне было на него наплевать, и я уже чуть было снова не уткнулся в книгу, как вдруг тип неожиданно резко оглянулся. Но смотрел он не на меня, а вдоль улицы, хотя ничего подозрительного на той стороне Пушкинской не происходило. По крыльцу НИИ и тротуару туда-сюда сновали люди, продавщица за книжным прилавком, опустив голову, читала свой дамский роман, а какой-то мужик в светлой рубашке как раз повесил трубку и вытаскивал из таксофона ЧИП-карту.

Я пожал плечами, а тип тем временем исчез за углом. И я снова погрузился в детектив. Дело там происходило в публичном доме, главная героиня как раз должна была пройти «посвящение» в путаны, и ее отдали на растерзание трем неграм.

Начали они традиционно, потом пару раз поменялись местами, а потом один негр залез на другого, а другой – соответственно – на главную героиню. Что делал в это время третий негр, я так и не понял, потому что в этот момент все и началось...

Глава 2

Чуть раньше я уловил сбоку в кустах приглушенный треск, но не обратил на него внимания. А потом оттуда кто-то выпрыгнул, я поднял глаза и буквально оцепенел, потому что какой-то громила с перебитым носом уже целился в меня из пистолета. В последний момент я чисто инстинктивно успел поднять перед собой книжку, и тут грохнул выстрел.

Один и сразу – второй. Книжку вырвало из моих рук какой-то неведомой силой, вторая пуля впиалась в скамейку совсем рядом, и я вдруг понял, что мне – крышка. И только после этого прыгнул в сторону. Громила выстрелил в меня третий раз и снова не попал. Нас разделяло всего метра четыре, и как это он умудрился не попасть – мне неведомо и по сей день. Он рыкнул и промахнулся в четвертый раз – то ли от нервов, то ли оттого, что я снова прыгнул в сторону.

– Ну, с-сука!.. – прошипел громила, хватая пистолет двумя руками.

– Ты че?.. Обалдел? – сдавленно вскрикнул я, бросаясь в кусты за скамейкой.

Наверное, это смешно, но покинуть место происшествия я решился только после того, как он выстрелил в меня четыре раза. Подлетая к кустам, я услышал сзади еще один выстрел и инстинктивно пригнулся. На этот раз пуля прошла совсем рядом – у самого уха – и срезала ветку. Это придало мне сил, и я буквально перелетел через кусты.

Громила явно замешкался. Наверное, он не ожидал от меня такой прыти и теперь, матерясь, продирался следом. Я бросился вправо – к Воропаевской. Несколько прохожих испуганно смотрели оттуда в мою сторону, но мне было на них наплевать. Вообще в тот момент мне было наплевать на все. И именно поэтому я не заметил, что в игру включился еще один стрелок.

Я просто сломя голову мчался по газону, с ужасом ожидая очередного выстрела. И дождался. Только не одного выстрела, а целой канонады. Правда, громила с перебитым носом поучаствовать в ней так и не успел. Но это я понял немного позже. А в тот момент я услышал, как что-то грохнуло справа и чуть сзади, и быстро оглянулся.

Из-за кустов, высунувшись по пояс, палил из пистолета толстый плешивый мужик лет сорока. С виду и по одежде он совсем не походил на бандита. Скорее на какого-нибудь мелкого предпринимателя. Словно в подтверждение этого на левой руке у него болталась барсетка. И вздрагивала при каждом выстреле. А разошелся плешивый не на шутку.

Самое главное, что палил он не в меня, а в громилу. От неожиданности я даже слегка притормозил. Мелькнула мысль, что это случайно оказавшийся в сквере милиционер. Я никогда особо не любил нашу доблестную милицию, но тут вдруг вспылал к ней такими чувствами, что готов был расцеловать плешивого в макушку.

Правда, этот прилив верноподданнических чувств длился недолго. Точнее – до третьего выстрела плешивого. Уже вторая пуля угодила громиле в ногу, и тот, жутко матерясь, рухнул на землю. Я остановился окончательно, решив, что сейчас плешивый достанет наручники и потащит нас с громилой в отделение, где какой-нибудь опер вымотает мне всю душу.

Перспектива была не из приятных, но все же это намного лучше, чем валяться под кустами с дыркой в голове. Но плешивый и не думал останавливаться. Он всадил в громилу еще три пули и наверняка не пожалел бы и четвертой, но тут справа – не от Воропаевской, а с противоположной стороны – заработали сразу два пистолета.

Одна пуля срезала ветку возле плешивого, вторая взбила фонтанчик земли у моих ног. Я напрочь перестал понимать происходящее, зато на этот раз очень быстро сообразил, что мне делать. Разворачиваясь и бросаясь наутек, я услышал сзади матерные выкрики, новые

выстрелы и вой сирены. Все смешалось в кучу, где-то рядом свистели пули, а я несся напролом – уже не к Воропаевской, а куда-то в глубь сквера, подальше от всего этого кошмара.

А сзади происходило что-то невообразимое. Раскатисто разносились автоматные очереди, раздавались жуткие вопли и одиночные выстрелы, а поверх всего этого кто-то кричал дурным голосом в мегафон: «Бросай оружие!»

А потом я уловил сзади чей-то тяжелый топот и с ужасом оглянулся. Меня нагонял плешивый. Пистолет по-прежнему был у него в руке, но плешивый, как и я, оглядывался на бегу через плечо. И я вдруг понял, что стрелять в меня он не собирается. По крайней мере – пока. В следующую секунду плешивый повернул ко мне свое разгоряченное лицо и крикнул:

– Влево! К музею!

– Ага! – кивнул я, послушно заворачивая.

Кем был этот человек и при чем тут музей религии и атеизма, я не имел понятия, а спросить мне и в голову не пришло. Главное, что он в меня не стрелял, и мне очень не хотелось, чтобы он передумал.

Четыре сотни метров до примыкавшего к скверу музея мы преодолели молча, если не считать сопения и хрипов. Музей от сквера отделял узкий, утопающий в зелени переулок. Так же молча мы перелетели через него и нырнули в приоткрытые ворота стройки.

Музей религии и атеизма в духе времени уже год реконструировали в церковь какой-то богородицы. На воротах было написано какой, но в тот момент мне было не до уточнения. Вой сирены становился все слышнее. Было, однако, яснее ясного, что плешивый не горит желанием предаться в руки родной милиции, а спорить с ним мне как-то не хотелось. И не только потому, что в руках у него был пистолет. Как ни крути, именно плешивый спас мне жизнь. И я решил во всем положиться на него. Тем более что ничего другого мне и не оставалось.

Глава 3

Едва мы нырнули в ворота, как на нас попер мужик со связкой ключей. Конечно, это был не апостол Петр, а сторож. С очень большого бодуна и оттого шибко агрессивный:

– Куды в святой храм претесь? И так все пообссы...

На этом месте сторож наконец разглядел в руках плешивого пистолет и осекся. Наверное, он сообразил, что мы заглянули в святое место не по малой нужде, а по очень большой. Он подался в сторону и что-то испуганно промычал, но плешивый был не в том настроении, чтобы вступать в богословские дебаты. Коротко взмахнув правой рукой, он с хрустом вонзил рукоятку пистолета в висок сторожа и тут же метнулся обратно к воротам.

Я в ужасе замер, а плешивый быстро прикрыл створку ворот. Странно квакнув, сторож кулем рухнул набок, со всего маху ударившись головой о железобетонный столб. По его испитому лицу пробежала тень, слюнявый рот дернулся, и он замер – с приоткрытым правым глазом.

Я быстро перевел взгляд на плешивого. Он возился с засовом и успел задвинуть его еще до того, как сирена завывала уже в переулке.

– Сматываемся! – повернулся плешивый и наткнулся глазами на сторожа. – Ты его пришил? Тоже правильно... Давай в подвал! Там должен быть выход на Цветочную!

Он первым бросился к черному зеву хода в подвал, и я пришибленно последовал за ним. Мыслей у меня не было уже никаких. То есть, были, конечно, но не мысли, а какая-то каша. Я вдруг вспомнил, что с Цветочной раньше действительно был вход в музей. Вернее, не в сам музей, а в его подземную часть – с мумиями, мощами и гробницами... А потом я снова подумал о стороже и о странной фразе плешивого... И вспомнил скорчившегося в предсмертной судороге под кустом громилу...

Все это было похоже на кошмарный сон, но, к моему ужасу, происходило наяву. Работы на стройке не велись по крайней мере с месяц. Это было видно по пробившимся там и сям сквозь кучи строительного мусора сорнякам.

Плешивый наверняка знал об этом, когда крикнул в сквере, чтобы я поворачивал к музею. И я вдруг испугался, что он специально заманил меня сюда, чтобы убить на какой-нибудь гробнице...

Подвал дохнул на нас могильной сыростью и вековым сумраком. Я тут же за что-то зацепился и с трудом удержался на ногах. А когда разогнулся, увидел прямо перед собой спину плешивого и налетел на него.

– Слышишь? – повернулся плешивый с поднятым в руке пистолетом.

– Что?.. – едва слышно прошептал я.

– Сирена... Пронесло...

– Ага, – кивнул я и только потом понял, что он имеет в виду.

Милицейская машина пронеслась по переулку мимо музея. Сирена затихла чуть дальше. Захлопали дверцы, послышался топот, потом донеслась приглушенная команда.

– Будут прочесывать сквер, – облегченно вздохнул плешивый. – Минут десять у нас есть. Уйдем. Да, клоун?..

– Ага, – тупо кивнул я.

– Откуда они, сучары, взялись? – снова вздохнул плешивый, поворачиваясь и двигаясь в глубь подвала. – Осторожно тут...

– Ага...

Откуда-то спереди из-за деревянных стоек пробивался тусклый свет, и двигались мы довольно быстро. Никаких гробниц, мощей и мумий в подвале уже не было, и это меня очень сильно обрадовало.

– Странно, – продолжал бормотать себе под нос плешивый. – Кто же их, сук, навел? Я как увидел машину в сквере, сразу почуял... – Тут плешивый снова резко остановился и быстро спросил: – Ты же не думаешь, что это я? А, клоун?..

– Нет, – выдавил из себя я.

– Ф-фух! – облегченно вздохнул плешивый. – А то ты молчишь, и я подумал... В общем, проехали. Потом разберемся. Лады?

– Лады.

– Я сразу просек, что ты настоящий пацан, – хлопнул меня по плечу плешивый. – Держи!

Он сунул мне в руку барсетку и, довольный, двинулся дальше. Сумка была довольно увесистой, но я не стал ни о чем спрашивать. Надел ее на руку и двинулся за плешивым.

– Там все. Фотки, ствол, бабки. Хотя, – вдруг засмеялся плешивый, – зачем тебе бабки? У тебя теперь с киргизом свои счеты... Да, клоун?

– Ага, – без выражения сказал я, но плешивый почему-то забеспокоился:

– Шучу я, шучу. Как справишься, звякнешь Тимуру. Все будет путем. Лады?

– Лады.

– А мне пока придется залечь. Ну, ничего, – коротко хохотнул плешивый, – ты и сам справишься... Да, клоун?

– Ага, – снова буркнул я.

– Станный ты какой-то все-таки... Хотя оно и понятно. Так, кажется, сюда.

Плешивый куда-то повернул, и минуты три мы продвигались в крошечной тьме на ощупь, то и дело натыкаясь на деревянные стойки, подпирающие перекрытие.

– Вот блядь, не хватало еще заблудиться, когда менты на хвосте! – выматерился плешивый и тут же воскликнул: – Вроде есть! Точно! Пришли!

Я повернул следом и увидел пробивающиеся поверх высокой двери узенькие полоски света.

– Порядок! – подал голос плешивый.

С полминуты он повозился с запорами, потом подергал дверь и снова выматерился. Пошарив руками в темноте еще несколько секунд, он повернулся ко мне и позвал:

– Ты где? Помоги. Рельсом приперли...

На пару мы не без труда подняли в темноте почти трехметровый кусок рельса и прислонили к чему-то сбоку.

– Порядок, – шепнул мне плешивый, приоткрыв дверь и выглянув на Цветочную. – Давай. Ты первый, а потом я...

– Ага, – проговорил я и выскользнул на залитую солнцем Цветочную улицу.

Глава 4

Наверх вели всего три истертые ступени. За ними виднелся заплыванный тротуар, асфальт проезжей части и деревья на той стороне Цветочной улицы. В деревьях, как и положено, щебетали птицы. Прохожие спешили по своим делам, и никому не было до нас дела.

Всего три ступени отделяли меня от обычной жизни. Но прежде чем я их преодолел, произошло еще кое-что.

– Давай, клоун! Не тяни! – проговорил в щель плешивый. – Я выйду через пару минут.

– Ага, – поспешно кивнул я и поставил ногу на первую ступень.

Плешивый махнул мне рукой и подался назад, притворив за собой дверь. Из-за двери тут же донесся негромкий стук и приглушенное ругательство. В темноте плешивый явно на что-то налетел и ушибся.

То, на что он налетел, проскрежетало по стене, гулко ударилось об пол и с гудением подпрыгнуло. Следом раздался жуткий треск и что-то пронзительно лопнуло. А секунду спустя приглушенные крики плешивого утонули в грохоте обрушившегося перекрытия.

В ужасе выскочив на тротуар, я оглянулся и увидел, что вековая, обитая железом дверь ходит ходуном. И не только дверь. Глухая, выложенная из тесаного камня стена музея, казалось, тоже содрогалась от доносящихся из подвала ударов. И тротуар под ногами тоже вздрагивал – как при небольшом землетрясении.

– Ломают, – деловито оглянулся, проходя мимо, какой-то мужчина при галстукe с папкой.

– Да, – согласно кивнул его спутник, тоже при галстукe. – Ломать – не строить. Когда я работал в Гипрострое, мы тоже много чего разрушали...

Мельком глянув на удалившихся собеседников, я судорожно сглотнул слюну. Внутри все уже затихло. Дубовые створки дверей заметно прогнулись наружу, но выдержали обвал. Из-за них не доносилось ни звука. Только молочная пыль вытекала из щелей и оседала на дне замусоренного приемка и на ступенях.

Кошмар, начавшийся в сквере, и не думал заканчиваться. Он преследовал меня по пятам, и я вдруг подумал, что избавиться от него будет не так-то просто.

Глава 5

С Цветочной я направился напрямик в свой универсам. Не совсем, конечно, напрямик – по дороге сменил три маршрутки, а в конце пару остановок проехал на троллейбусе. Все это, естественно, для того, чтобы выяснить, не следит ли кто за мной.

«Хвоста» не было. Я заскочил в универсам, купил водки и вскоре оказался в своей холостяцкой квартире. Усевшись на кухне, я первым делом принял на грудь, а потом вспомнил все по порядку – начиная с отсутствовавшего Альбертовича и заканчивая Цветочной. И кое-что начал понимать. От этого «кое-чего» мне захотелось добавить.

И я опрокинул еще стопку, а потом потянулся к барсетке. Я уже примерно догадался, что там внутри. Именно поэтому мне и не хотелось ее открывать. Я бы с удовольствием избавился от нее, выбросил и забыл, но это было бы попросту глупо. Уж это-то я понимал отлично.

В барсетке оказалось: сорок тысяч долларов в четырех пачках, странный пластмассовый пистолет и десяток фотографий в конверте. Баксы были настоящие, хоть и потертые, это я увидел сразу. Пистолет – тоже. На стволе и рукоятке было написано по-английски «Glock». Но больше всего меня, конечно, заинтересовали фотографии.

Вернее, это были даже не совсем фотографии. Если я что-то в чем-то понимал, то отпечатаны они были на обычном принтере и представляли собой кадры видеосъемки цифровой камерой. В углу каждой стояла дата и время.

На всех фотографиях был запечатлен один и тот же человек – лет сорока, загорелый, черноволосый, с широкими скулами и слегка узкоглазый. Я сразу вспомнил фразу плешивого: «У тебя теперь с киргизом свои счета...» Скорее всего Киргиз – это кличка сфотографированного. И плешивый имел в виду, конечно, то, что убить меня пытались именно люди Киргиза.

Это было в общем-то понятно. Непонятными оставались только две вещи – с кем именно меня перепутали люди Киргиза и почему плешивый через раз называл меня клоуном?

Вздыхнув, я снова принялся рассматривать фотографии. Даты на них стояли разные, да и время было не одно и то же. На одних – около девяти утра, на других – около часа дня. На первых Киргиз был изображен на фоне какого-то особняка, на вторых – на выходе из какого-то кафе. Все было понятно. Кроме некоторых деталей, но и их было легко додумать.

В общем, я решил как можно быстрее избавиться от этой проклятой барсетки, а потом запастись продуктами и месяц не выходить из дому – пока отрастет борода. Баксы я предусмотрительно спрятал в одно приличное место, оставив три сотни на расходы. Потом сжег в раковине фотографии. Стерев с пистолета отпечатки, я начал осторожно засовывать его в барсетку и случайно заметил внутри что-то красное.

Это был нос. Обычный клоунский нос из красного поролона на резинке. Я смотрел на него минут пять, а потом снова выпил. Из-за этого чертового носа вся моя стройная и успокоительная версия вдруг показалась мне не такой уж и стройной. Заключалась она, кстати сказать, в том, что если я в ближайшее время не попадусь кому не надо на глаза, то все будет хорошо.

Конечно, это могла быть просто неудачная предсмертная шутка плешивого. Но верилось в это с трудом. И тогда я вдруг подумал, что все, что произошло, – это какая-то дьявольская игра, затеянная плешивым. Игра, продуманная им от начала до конца. И этот дурацкий нос в барсетке означал, что игра эта только начинается. Потому что плешивый наверняка знал что-то такое, о чем я еще даже не догадывался...

Глава 6

В вечернем девятичасовом выпуске местных новостей рассказали, что в городском сквере на Пушкинской была перестрелка, но возвращавшимся с задания собровцам удалось быстро нейтрализовать всех участников разборки. И все. Судя по нескольким кадрам видеосъемки, оператора к скверу не подпустили и близко.

Никаких подробностей не было, как и сообщений об убийстве сторожа и обвале в музее. Это было странно, потому что наше телевидение раздувало сенсацию даже из пьяницы, врезавшегося в фонарный столб. А тут – обвал в музее, где раньше стояли гробницы. Наворотить можно такого...

В общем, это было немного странно, но сторожа с проломленной головой к девятичасовому выпуску могли еще и не обнаружить. Как и обвала в музее.

А раз так, то мне следовало только избавиться от сумочки с пистолетом и этим дурацким носом и залечь на месяц перед телевизором. А потом, когда все уляжется, можно махнуть и на юга... С этой успокоительной мыслью я уснул.

Под утро мне снились какие-то кошмары, и проснулся я немного разбитым, но с ясной головой. Самое главное, что я точно знал, так это что мне нужно делать, и больше не думал об этом дурацком куске поролона на резинке.

Чтобы поменять прикид, я вырядился в спортивный костюм и кроссовки, а волосы намочил и зачесал назад. Барсетку я на всякий случай повесил при помощи шнура на шею под куртку – чтобы не бросалась в глаза. Окинув себя в зеркале критическим взглядом, я уже двинулся на выход, когда вдруг зазвонил телефон.

От неожиданности я даже вздрогнул. Звонили мне в последнее время редко, все больше – по ошибке. Сперва я решил вообще не брать трубку и только в последний момент вдруг сообразил, что это, должно быть, Лелька.

Накануне была среда – день наших с ней свиданий. Я, как всегда, должен был подъехать к девяти вечера к ней на Философскую и заночевать. И теперь она дотряслась в троллейбусе до работы и наверняка собирается высказать все, что обо мне думает.

Перспектива была не из приятных, и в другой раз я бы ни за что не решился взять трубку. Но тут случай был особый – наши встречи все равно нужно было прекратить – хотя бы на месяц. И я решился.

– Алло...

– Здравствуйте! – взволнованно проговорил кто-то на том конце ангельским голоском. – Евгений Иваныч?

– Да, – растерянно проговорил я, – Иваныч...

– Это вас беспокоят из «Риналт-сервиса»...

«Риналт-сервисом» называлось то самое агентство, в которое я так и не попал на собеседование. Естественно, я здорово удивился и даже не нашелся сразу, что сказать.

– Алло! Евгений Иваныч! Вы меня слушаете? – забеспокоилась на том конце секретарша.

– Слушаю-слушаю... – сказал я.

Киска она, конечно, была выдающаяся, особенно в некоторых местах, но не про меня. А их «Риналт-сервис» мне теперь был нужен, как зайцу стоп-сигнал. В общем, я досадливо поморщился, а секретарша после едва уловимой паузы и какого-то шороха вдруг затараторила как из пулемета:

– Евгений Иваныч! Мне от имени руководства поручено извиниться перед вами за вчерашнее недоразумение! Роланд Альбертович лично просмотрел сегодня вашу анкету! Понимаете – лично! И очень хочет с вами переговорить! Понимаете?

– Да, только... – попытался втиснуться я.

– Вы слышите, Евгений Иванович? У него сейчас важный звонок по второй линии, но, как только он освободится, я вам сразу перезвоню! Обязательно подождите! Вы поняли?..

– Да, только... – снова проговорил я, и тут в трубке раздались короткие гудки.

Все это, конечно, была ерунда. Я пожал плечами, положил трубку и снова двинулся к двери. У Лельки был небольшой шанс дозвониться ко мне в этот короткий промежуток, но она его не использовала. Вспомнив о Лельке с ее дурацкими звонками, я вдруг подумал, что и эта курица-секретарша тоже теперь будет меня донимать, и решил, что лучше потратить еще пару минут, но распрощаться с этим чертовым «Риналт-сервисом» раз и навсегда.

По-быстрому отыскав в блокноте номер, я потыкал пальцем в клавиши и выматерился. В трубке послышались короткие гудки. Это было странно, потому что телефон в «Риналт-сервисе» был действительно многоканальный. То есть получалось, что все эти деятели типа того же Роланда Альбертовича, которые в обычные дни не могли добраться до работы и к десяти, сегодня вдруг все, как один, примчались в офис спозаранку и пашут как проклятые, оккупировав несколько телефонных линий...

И тут меня вдруг бросило в пот. Все эти несуразицы, заминки, шорохи в трубке и странные интонации секретарши вдруг в один миг состыковались в единое целое. Швырнув трубку, я успел заметить в зеркале, что влажные волосы на моей голове встали дыбом – словно после часовой укладки в парикмахерской...

Глава 7

В тот же миг я опрометью выскочил из квартиры, поскольку понял, что моя жизнь снова висит на волоске. Скатившись по лестнице вниз, я слегка притормозил и только потом толкнул дверь и вынырнул на крыльцо. Ничего подозрительного во дворе не было, я быстро пробежал по ступенькам, прошел три метра до тротуарчика и свернул вправо.

Сердце бешено колотилось у меня в груди, но в душе я уже почти верил, что смогу вывернуться и на этот раз. Внезапно из-за дома выскочила «Ауди» с тонированными стеклами и сразу притормозила. «Вот оно!» – подумал я.

Правая передняя дверца тут же распахнулась, и из машины выскочил коротко стриженный кривоногий тип в джинсах и кожаной жилетке поверх майки. Роста он был небольшого, зато раза в два шире меня в плечах. Морда лица, как теперь принято говорить, у него была соответствующая. На поясе у кривоногого висела сумочка с чем-то тяжелым и наверняка огнестрельным.

Кривоногий быстро оглянулся по сторонам и наклонился к машине.

– Давай в темпе, Мерин!

Тут распахнулась и правая задняя дверца, но сказать, что Мерин торопился, у меня не повернулся бы язык. На вид ему было года двадцать три–двадцать четыре – худощавый, высокий и белобрысый, одет в кроссовки, спортивные штаны и светлую майку. Сумка у него была посолидней – «адидасовская» – и очень подходящая по размеру для переноски «АКСУ». Это такой игрушечный с виду автомат, но стреляет не хуже настоящего.

Все это я рисовал в одну секунду. Хуже всего было то, что я шел прямо на них, и они в любой момент по моей роже могли обо всем догадаться. Сворачивать мне было некуда – крайний подъезд я уже прошел.

– Жди возле универсама! – бросил кривоногий водителю и захлопнул дверцу.

«Ауди» тут же отъехала, кривоногий с Мерином двинулись мне навстречу. Мерин явно нервничал и еле плелся, закинув сумку с автоматом на плечо.

– Быстрее, твою мать! – снова прикрикнул на него кривоногий, оглянувшись.

В этот момент мы поравнялись. Кривоногий скользнул по мне злым взглядом и двинулся дальше.

– Какой подъезд? – услышал я за спиной его голос.

– А я откуда знаю? – пробубнил Мерин, проходя мимо меня.

– Так посчитай!

– Я че – Келдыш, считать?

– Твою мать! А скоко тут подъездов?

– Я че – архитектор? Мое дело шмалять...

«Удивительные придурки», – подумал я. Внутренне я с них ухохатывался, если честно. Завернув за заборчик, ограждавший чахлый палисадник, я был уже недалеко от угла соседнего дома. А они все никак не могли посчитать, в каком подъезде моя квартира. Только ухохатывался я рано.

– Твою мать! – снова выругался кривоногий. – Эй! Мужик! Подожди! Скоко в этом скворечнике подъездов?

Угол дома был уже совсем рядом, и я решил не оглядываться.

– Твою мать! Мужик! Стой! – крикнул кривоногий.

И тут мне на помощь неожиданно пришел Мерин:

– Может, этот придурок глухонемой?

– Чего?.. – спросил кривоногий.

– Я говорю, может, он глухонемой? У них тут на Гвардейской фабрика...

– Какая фабрика?

– Ну, глухонемых... Они там игрушки палят.

– А-а... – протянул кривоногий, явно теряя ко мне интерес.

Я уже почти добрался до угла, когда сзади послышался голос Мерина:

– Стой...

– Чего?

– Если бы он был глухонемым, у него бы за ухом была машинка, слуховая...

Позади повисла пауза, но я как раз нырнул за угол и со всех ног бросился к забору гаражного кооператива. И только тут из-за дома донесся запоздалый вопль кривоногого:

– Твою мать! Это он!

Не оглядываясь, я взлетел на забор, прыгнул вниз и бросился к узкому просвету между ближайшими гаражами. Поначалу я здорово оторвался от своих преследователей. Гаражный кооператив просматривался из моих окон вдоль и поперек. Так что бежал я не вслепую, а вроде как по карте, только карта эта была у меня в голове.

Моей целью был противоположный забор. За этим забором проходила железнодорожная ветка, вдоль нее петляла в зарослях тропинка, а за тропинкой тянулся еще один забор – какой-то базы. Железнодорожная ветка в ворота этой самой базы метрах в двухстах справа и упиралась. Но сматываться я собирался не в сторону ворот, а влево – к проспекту Челюскинцев.

Поначалу все у меня получалось здорово. Я протискивался в просвет между соседними гаражами, бежал по проезду влево или вправо и нырял в очередную щель. В сплошной стене гаражей просветов было немного – два-три на один проезд. Но я примерно представлял, где они, и очень быстро добрался до предпоследнего проезда.

Тут я впервые оглянулся и увидел Мерина. С сумкой наперевес он торчал на крыше гаража метрах в сорока позади. Я сразу метнулся назад к стенке, но Мерин успел меня заметить и крикнул:

– Вон он!

Держась под прикрытием гаражей, я тут же бросился влево, в самый конец проезда. Тот угол кооператива был застроен не до конца, и я рассчитывал одним махом оказаться у забора. По дороге я умудрился зацепить какое-то ведро, из ворот гаража выскочил хозяин и что-то заорал мне вслед. А вообще народу в кооперативе в этот час было немного, и это сильно упрощало задачу моим преследователям.

Едва я нырнул за последний гараж, как сзади снова заорал Мерин:

– Вон он! В углу!

Стрелять он пока не стрелял, потому что показался я в поле его зрения буквально на какой-то миг, но где-то на подходе был кривоногий. А мне еще нужно было как-то оказаться на той стороне забора. И тут мне вдруг взбрело в голову, что если я вернусь по последнему проезду назад, то этим очень сильно собою их с толку. В том смысле, что Мерин наверняка будет меня высматривать у забора в углу.

Наверное, трудно было придумать что-нибудь глупее, но я тут же развернулся и бросился назад по проезду.

Проскакав таким макаром метров сто, я метнулся к просвету в последнем ряду гаражей, и только тут далеко позади в проезде показался кривоногий. Мерин торчал на крыше, держась подальше от угла, и смотрел не в мою сторону. Кривоногий же сразу заметил меня и что-то заорал, но я с разгона взлетел на забор и рухнул вниз еще до того, как Мерин успел сообразить что к чему.

Глава 8

Упав в кусты, я тут же вскочил на ноги и вдруг понял, что бежать мне некуда. Кривоногий с Мерином уже наверняка мчались к забору кооператива и тем самым отрезали мне единственный путь в город.

Позади виднелись высоченные, опутанные колючей проволокой ворота базы, справа – такой же забор. А спереди ко мне приближались Мерин с кривоногим. И тут до меня дошло: единственное, что мне остается, – это улепетывать обратно в кооператив.

Но в тот момент я был настолько пришиблен своей дуростью, что не успел сделать и этого. А потом впереди послышались голоса, и меняхватило только на то, чтобы в отчаянии оглянуться по сторонам. Тут я вдруг наткнулся взглядом на кучу мусора метрах в пяти позади.

Мусор сбрасывали прямо через забор кооператива в какую-то яму. Наверняка экологические службы не навевались в этот чертов тупик уже давно, и куча собралась приличная – при желании по ней можно было съехать с забора словно с горки. Способ был, конечно, не очень эстетический, но при виде этой кучи во мне вновь затеплилась надежда, и я бросился к ней.

Кривоногий с Мерином приближались, так что времени на раздумья у меня не было. По пояс втиснувшись между краем ямы и мусором, я вдруг понял, что так дело не пойдет. Яма оказалась недостаточно глубокой. Между тем голоса раздавались уже совсем близко.

Я в отчаянии заработал ногами и погрузился еще сантиметров на тридцать. Это был предел. Куча мусора навалилась на меня сзади, прижимая грудью к краю ямы. Я и так едва дышал, а голова и руки еще оставались наверху. Кривоногий и Мерин немного задержались, но вот-вот должны были показаться из-за кустов.

Я снова в отчаянии оглянулся и увидел торчащую сзади картонную коробку. До нее было не меньше метра, но это был мой последний шанс. В отчаянном рывке я дотянулся до нее, выдернул из кучи и нацепил на себя.

Мусор с шумом осел, и из-за кустов тут же донесся испуганный голос Мерина:

– Слышал?

– Заткнись... – прошипел кривоногий. – Давай вперед, я прикрою.

– Я че – Матросов? Пошли вместе.

– Я сказал, – снова прошипел кривоногий, – посмотри, чего там...

В этой чертовой коробке жутко воняло прогорклым маслом, крысами и еще какой-то дрянью. Я почти задышался, сердце мое бешено колотилось. Прошло секунд десять или чуть больше. А потом где-то совсем рядом раздался голос Мерина:

– Твою мать! Это крысы!

– Чего?.. – из-за куста спросил кривоногий.

– Чего-чего... Мусорка тут, – сплюнул Мерин точнехонько на коробку. – Крысы бегают. Давай сваливать, он наверняка уже давно дернул.

– А если не дернул?

– Ага! Такой он дурак...

– Закрой поддувало! Пошли дальше.

– Пошли-пошли... – заскулил, отдаляясь, Мерин. – Липковские на Пушкинской косяков напороли, а нам теперь под пули соваться.

– Липковские уже в морге, им все до фени, а нам Киргиз голову свернет...

Они отделились, я наконец перевел дух, а в моей голове все сидела последняя фраза Мерина. Он здорово не хотел со мной встречаться, но дело было даже не в этом. Дело было

в том, что он сказал: «...а нам теперь под пули соваться». В общем, только в этот момент до меня вдруг дошло, что в барсетке у меня пистолет. Самый настоящий.

Не без труда вытащив его из барсетки, я вспомнил институтские занятия по военной подготовке, опустил флажок предохранителя и передернул затвор. А потом замер.

Пистолет был готов к бою, а я – нет. Сжимая в руке пластмассовую рукоятку, я вдруг понял, что ни за что не заставлю себя выстрелить в живого человека, даже если это такая скотина, как кривоногий или Мерин.

А потом от ворот базы снова слышались голоса. Кривоногий с Мерином возвращались. Кривоногий матерился и, судя по треску ветвей, рыскал по кустам. Мерин, как обычно, плелся сзади. Он заметно повеселел, но все равно скулил, что нужно побыстрее сматываться.

– Как сквозь землю провалился! – проговорил кривоногий, приближаясь. – Глянь-ка еще вон там...

– Да нет там никого! Ушел он давно! Давай сматываться, пока кто-нибудь не навел мусоров.

– Ладно, – вдруг проговорил кривоногий, останавливаясь прямо напротив коробки. – Мы свое дело сделали. Так и скажем Киргизу, понял?

– Понял, понял, – обрадовался Мерин. – Пошли, ты чего?

– Отлить надо, – пробурчал кривоногий, и тут же в землю рядом с коробкой ударила тугая струя.

Прежде чем я успел испугаться, горячие капли вперемешку с землей брызнули под краем коробки мне в лицо и залепили рот. Жуткая вонь тут же нахлынула на меня, но это было еще не все. Блаженно крикнув, кривоногий перевел струю на коробку. Напор у него был как из брандспойта. Струя била в коробку, коробка грохотала и вздрагивала. Потом коробка начала протекать. Сперва на мою голову упала одна тяжелая капля, потом вторая и третья. А потом капли слились в струйку, и струйка эта зажурчала по моей голове куда-то за шиворот...

– Хорошо! – снова крикнул наверху кривоногий. – А, Мерин?

И тут меня вдруг прорвало.

– А-а-а! – завопил я, отбрасывая коробку в сторону и нажимая на курок.

Три пули одна за другой вонзились в грудь кривоногого, и он рухнул замертво в собственную лужу. В тот же миг я повернул голову и увидел метрах в трех от себя перекошенную рожу Мерина. Застыв в оцепенении, он пытался открыть негнущейся рукой сумку, но так и не успел. Какую-то секунду мы смотрели друг на друга, потом Мерин бросился бежать, а я начал стрелять.

Он успел сделать всего несколько шагов. Потом в его спине появилась дырка, Мерин качнулся и с усилием занес ногу для следующего шага. Только сделать его он так и не смог. Палил я безостановочно, и в спину Мерина одна за другой вонзились еще четыре пули. И Мерин упал.

По инерции я выстрелил еще дважды и только потом с трудом разогнул палец на курке. Оглушенный внезапно наступившей тишиной, я какое-то время с ужасом смотрел на распростертые на земле тела, а потом одним махом выскочил из ямы.

Не знаю, как это у меня получилось и откуда взялись силы – в тот момент я об этом просто не думал. Единственной моей мыслью было как можно скорее бежать от этого кошмара.

И я побежал. Сзади на штанах болталась какая-то консервная банка, но я не обращал на нее внимания. Почти сразу же к горлу подкатил ком. Я как-то странно икнул, потом еще раз и еще. Первый раз меня вырвало метров через тридцать. Разогнувшись, я побежал дальше, но позывы к рвоте не прекращались.

А потом меня просто вывернуло наизнанку. Я уже не мог бежать и буквально рухнул на траву. С полминуты я простоял на коленях и только после этого смог поднять голову. Спазмы неожиданно отступили, я вытерся рукавом и удивился.

Вокруг стояла неправдоподобная тишина. Не совсем, конечно, – где-то далеко за воротами базы лаяла собака, от проспекта доносились гудки, кто-то рихтовал кузов в кооперативе. Жизнь продолжалась, несмотря на то, что только что совсем рядом мною были убиты два человека. Вернее, два бандита, но все же. Ничего не изменилось вокруг, всем было на это наплевать, никто не собирался гнаться за мной и не кричал: «Убили! Убили!..»

Это здорово на меня подействовало. Не то, что я кого-то убил, а то, что всем было на это наплевать. И в тот момент я вдруг понял, что если мне суждено из всего этого выпутаться, то надеяться нужно только на себя.

Глава 9

Поднявшись, я быстро оглянулся и поспешно сунул пистолет в барсетку. От него следовало как можно скорее избавиться, но не здесь и не сейчас. Да и мне, несмотря на полный пофигизм отдельных граждан и организаций, задерживаться тут не стоило.

Направляясь быстрым шагом к проспекту, я кое-как попытался привести себя в порядок. Несмотря на все мои старания, выглядел я, конечно, жутковато. Это было ясно и без зеркала, так что первым делом нужно было переодеться и умыться, а уже потом думать, что делать дальше. Но в то же время я знал наверняка, что домой мне лучше пока не соваться.

До проспекта я добрался благополучно. Уже сворачивая с тропинки в тупиковый переулок, встретил какую-то бабку с сумкой, но шла она не в сторону базы, а в обход гаражей к нашим домам. Бабка бормотала себе под нос что-то насчет нищенских пенсий и не удостоила меня даже взглядом.

Зато я сообразил, что она возвращается с Николаевского рынка, и понял, где можно разжиться подходящей одежкой. Перейдя на другую сторону проспекта Челюскинцев, я сразу нырнул во дворы и минут через пять оказался на рынке.

Первым делом я по-быстрому обмылся под краном в туалете, а потом купил приличные светлые брюки, рубашку и туфли и там же в палатке переоделся. Продавщица тем временем где-то разменяла мою сотку баксов и, морщась, упаковала старые шмотки в пакет. Пакет я сбросил в мусорный бак, напоследок купил солнцезащитные очки и снова нырнул во дворы.

Себя в порядок я привел довольно быстро, и теперь было самое время попытаться сделать то же со своими делами. Версий произошедшего у меня по-прежнему было всего две. Первая и самая простая заключалась в том, что тогда в сквере на скамейке меня просто с кем-то перепутали. Слов нет, эта версия была хороша, и к ней я склонялся с самого начала. И все было бы замечательно, но такой подход к случившемуся едва не стоил мне жизни.

И я снова возвращался к уже отброшенной и жутковатой версии, по которой все, что произошло и еще должно было произойти, совсем не случайность, а результат тщательно продуманной и спланированной комбинации шутника плешивого. Но чем больше я об этом думал, тем больше убеждался, что это бред. Устраивать столь сложные и дорогостоящие мистификации мог только сумасшедший. А плешивый на сумасшедшего походил мало.

В общем, я передумал еще много чего, а потом плюнул на это дело. Главный вопрос сейчас заключался в том, зачем людям Киргиза понадобилось меня убивать, если в сквере меня просто перепутали? Только выяснив это, я мог понять, что мне делать дальше.

Опыта у меня в таких делах не было никакого, но в конце концов я решил сбросить нос и барсетку в канализационный колодец, а пистолет оставить. Конечно, это было очень опасно и непрофессионально. Но в пистолете, к моему удивлению, оставалось еще целых семь патронов, и они могли мне очень пригодиться.

Под кобуру я приспособил купленную по дороге поясную сумку и решил наведаться в одно место...

Глава 10

Повернув с Воропаевской на Пушкинскую, я поправил очки и прогулочным шагом направился к НИИ. Решиться на это было нелегко, но я понимал, что уж здесь-то меня никто не ждет наверняка. Правда, на всякий случай я подстригся в какой-то парикмахерской, и теперь даже сам себя с трудом узнавал в витринах.

Повернув на Пушкинскую, я миновал таксофон, по которому разговаривал какой-то тип, небрежно скользнул взглядом по прилавку с книгами и вдруг почти понял, как меня вычислили люди Киргиза. Стараясь не смотреть на продавщицу за прилавком, я прошел дальше и вскоре поравнялся с девятиэтажкой НИИ. Тут меня ожидало еще одно открытие.

Справа от крыльца стояла молодая женщина в милицейской форме. Два ее помощника таскали туда-сюда рулетку, а она что-то записывала. Измеряли они расстояние от стены до очерченного мелом на асфальте контура тела. Труп уже увезли, но лежавшая чуть в стороне шикарная женская туфелька с пряжкой была мне хорошо знакома. Принадлежала она секретарше «Риналт-сервиса».

Подняв голову, я увидел, что окно агентства на восьмом этаже, из которого выпала секретарша, открыто. Еще раз посмотрев на лужу крови, расплывшуюся на асфальте у головы мелового контура, я опять повернул за угол и вскоре приземлился в тихом кафе под навесом.

Секретаршу «Риналт-сервиса» я помянул бутылкой кока-колы. Это начинало входить в систему – бессмысленная смерть громилы с перебитым носом, потом – сторожа, потом – плешивого, потом – кривоногого и Мерина... Теперь – секретарши. Хотя секретаршу, судя по всему, выбросили из окна раньше – сразу после того, как она мне позвонила.

Люди мерли как мухи. И если я не хотел пополнить в ближайшее время этот стремительно пополняемый мартиролог, мне следовало пошевеливаться. Одну потенциальную жертву, по чьему-то недосмотру оставшуюся в живых, я знал. Имело смысл переговорить с ней, пока ее тоже не убили.

Весь вопрос заключался в том – не ловушка ли это?..

Глава 11

Перед тем как во второй раз отправиться на Пушкинскую, я наведалься на Цветочную. Я, конечно, понимал, что это глупо, но мысль о том, что плешиный все подстроил, не выходила у меня из головы. Слишком уж все смахивало на дурацкий мистический триллер. Только трупы были настоящими.

На Цветочной все было по-прежнему, точно ничего не произошло. Это здорово меня удивило, и на всякий случай я прошел по заплеванному тротуарчику.

Дубовая дверь вроде бы прогнулась чуть больше. А может, мне просто показалось. В любом случае смысла в хождениях туда-сюда больше не было, и я в хорошем темпе убрался подальше от музея.

Поглядывая на часы, я пошлялся по улицам в ожидании окончания рабочего дня, а потом начал накрапывать дождик, и я понял, что мне нужно торопиться на Пушкинскую. Прибыл я вовремя – продавщица книг как раз заносила в ближний подъезд остатки разборного лотка. Наверняка где-то там у нее был склад или что-то в этом роде.

Оглянувшись по сторонам, я поправил на поясе сумочку и нырнул за продавщицей в подъезд. Она уже поднялась вверх по лестнице, и я затаился в углу за дверью. Минуты через три продавщица с кем-то попрощалась и застучала каблучками вниз по ступенькам. Я дождался, пока она поравняется со мной, подался вперед и обхватил ее руками.

– Тихо! – прошипел я, заталкивая продавщицу в угол и закрывая собой. – Не дергайся!

Дергаться она и не думала. Я быстро оглянулся и отдернул правую руку, которой зажимал ей рот. По сценарию мы в случае чего должны были изображать пару голубков, мирно воркующих в подворотне. А голубки друг дружке рты не зажимают – это может показаться подозрительным.

– Я тебе ничего не сделаю, – быстро проговорил я. – Поняла?

– По-по-поняла... – едва слышно прошептала продавщица.

– Вот и хорошо, – сказал я, невольно отводя взгляд в сторону.

Выглядела она настолько испуганной, что я уже начал сомневаться, будет ли из всей этой затеи хоть какой-нибудь толк. Ощущение было такое, что она вот-вот умрет от разрыва сердца.

Ее высокий воротник расстегнулся и открыл то, что она так тщательно скрывала на улице, – синяки на шее. Кто-то из людей Киргиза над ней здорово поработал. настолько здорово, что она была буквально пропитана страхом. Это я и заметил на улице, проходя мимо лотка.

– Я тоже от них бегаяю, – на всякий случай сказал я. – Так что бояться тебе нечего...

Понять, дошел ли до нее смысл сказанного, было невозможно. Лицо ее представляло собой какую-то маску ужаса. Я вздохнул и продолжил:

– Это я вчера купил у тебя детектив. Вспомнила?

Тут она меня наконец узнала.

– Сколько их было? – спросил я. – Мне нужно это знать.

Несколько секунд продавщица испуганно смотрела на меня, а потом ее вдруг прорвало. Словно избавляясь от накопившегося ужаса, она затараторила как из пулемета. Говорила она минут десять – взхлеб, запинаясь, перескакивая с одного на другое и то и дело повторяясь.

Станный это, конечно, был рассказ, но я все понял. Ситуация развивалась примерно следующим образом. Вчера, купив у нее детектив, я тут же около лотка столкнулся с Лехой Ботвиновым. Леха – в огромных очках, всклокоченный, долговязый, с сумкой через плечо – как всегда, куда-то бежал.

– О! Привет, старик, – сказал он. – Ты че тут делаешь?

– Привет! – сказал я. – Да в кадровое агентство пришел на собеседование.

– В НИИ, что ли? На восьмом этаже? – Леха, как всегда, был полностью в курсе.

– Ага, – кивнул я.

– Гиблое место. Я там был. Одну лажу предлагают, – презрительно скривил губы Леха. – Ладно, старик, бывай. Я побежал...

– Бывай, – сказал я, и Леха помчался дальше.

Этот пустой мимолетный разговор и запомнила продавщица. А дальше все было очень просто. Когда в сквере раздались выстрелы, продавщица увидела, как я закрываюсь от пуль только что купленной у нее книгой, и, естественно, очень удивилась.

Потом понаехала милиция, и сквер оцепили. И тут очень кстати продавщице подвернулась подруга. Подруга ничего этого не видела, и продавщица с удовольствием ей все пересказала в лицах. А заодно поделилась впечатлениями от встречи с интеллигентным с виду покупателем, который на поверку оказался настоящим бандитом.

Все бы ничего, но в это время у лотка, поглядывая на ту сторону, ошивался какой-то тип. Этот тип проследил за продавщицей после работы и едва не придушил в лифте ее собственного дома. Естественно, она ему все выложила – и насчет того, как я купил у нее книгу, и насчет моего разговора с Лехой о собеседовании. Таким образом бандиты и вышли на мой след в кадровом агентстве.

– Понятно, – вздохнул я. – Ты знаешь, что случилось в НИИ сегодня утром?

– Да, – всхлипнула продавщица.

– Ты тут ни при чем, – поспешно сказал я, испугавшись, что она разрыдается.

– Да? – снова всхлипнула она.

– Конечно, – кивнул я. – Только не вздумай об этом рассказывать кому-то еще. Поняла?

– Поняла...

– И вообще – забудь об этом. Они ведь тоже от тебя этого хотели?

– Да, – испуганно кивнула продавщица. – А-а... что...

– Нет, – покачал я головой. – Они уже не вернуться. Можешь не бояться. Ты им уже не нужна. Просто... В общем, это такое дело, что тебе в него лучше не путаться. Поэтому если тебя будут об этом спрашивать – милиция или кто еще, – лучше коси под дурочку. Мол, не видела, не знаю, не помню. Кто-то в кого-то стрелял, кто-то куда-то бежал – и все. Поняла?

– Поняла.

– А насчет этих синяков и нервов – говори, что тебя чуть не изнасиловали в лифте. Тебе поверят. Усвоила?

– Да.

– Это все, чем я тебе могу помочь, – вздохнул я. – В этом деле главное – держаться в стороне... Ладно, разбегаемся. Опиши только мне еще раз этого типа, который тут вчера вертелся и прижал тебя в лифте.

– Ага, – кивнула продавщица. – В общем, такой не высокий, но и не низкий. Симпатичный вообще. Челка такая и вот тут под ней, значит, шрам...

– Ясно, – перебил я ее. – Счастливо.

Вынырнув под морозящий дождь, я быстрым шагом пошел к троллейбусной остановке. Продавщица направилась в другую сторону. Честно говоря, я был уверен, что вижу ее в последний раз. Такое у меня возникло предчувствие.

Кому и зачем могла понадобиться ее смерть, я не знал. Просто все, с кем я сталкивался в последние два дня, почему-то скоропостижно умирали.

В бестолковом рассказе продавщицы заключался определенный смысл, во всяком случае – для меня. Помимо прочего, теперь абсолютно точно было известно, кто выбросил из окна секретаршу «Риналт-сервиса».

Ее, разумеется, убил тот самый тип со шрамом, который прижал в лифте продавщицу. Возможно, после телефонного разговора со мной секретарша бросилась к окну, чтобы позвать на помощь и все получилось спонтанно. Хотя скорее всего выбросили ее из окна вовсе не случайно. Бандиты просто убедились, что я у них в руках, и сразу избавились от очень нежелательного и опасного свидетеля. Все было до смешного просто.

Вчера вечером они выследили и «разговорили» в лифте продавщицу. Сегодня спозаранку явились в «Риналт-сервис» и взяли за глотку секретаршу. Все получилось очень удачно, кроме нее, в офисе наверняка еще никого не было, и они ее убили, чтобы замести следы. Теперь у бандитов была моя анкета – с фотокарточкой, адресом и автобиографией. Но это было еще полбеда.

Главная проблема заключалась в другом. У меня возникло подозрение, что в сквере на скамейке меня ни с кем не перепутали... И уже совсем скоро я получил подтверждение этой своей догадки в довольно неожиданном месте.

Глава 12

Вечером того дня я снова направился к музею. Лил дождь, все нормальные люди попрятались по домам, а я бродил вокруг и соображал, как мне лучше забраться внутрь.

Я был уже почти уверен, что Киргиз и его люди – это только верхушка айсберга. Они, конечно, обложили меня со всех сторон и уже два раза могли убить, но настоящая опасность исходила не от них. Настоящая опасность исходила от кого-то другого, в чьих руках Киргиз и его люди были такой же игрушкой, как и я. А раз так, то я хотел окончательно прояснить для себя ситуацию с плешивым, которая с самого начала казалась мне очень подозрительной.

И ближе к полуночи, когда дождь окончательно разогнал по домам все живое, я полез в этот чертов музей. Я, конечно, мог бы описать все в подробностях, но при одном воспоминании об этой прогулке кровь стынет в моих жилах. По дороге к месту завала я натерпелся такого, что едва не поседел.

Снаружи лил дождь, гремел гром и сверкали молнии. Внутри было душно и жутко. Крыша где-то протекала, струя воды то и дело начинала грохотать во мраке по куску жести, ветер завывал под куполом, и там же что-то шевелилось и било крыльями. А я в это время на ощупь пробирался внизу между шаткими опорами строительных лесов, какими-то штабелями и бадьями...

Фонарик у меня был, но включать его до поры до времени я не решался. Поначалу я хотел отыскать проем, из которого во время нашей прогулки с плешивым падал свет. Закончилось это так, как и должно было закончиться, – в какой-то момент я споткнулся и рухнул в этот самый проем, только чудом не свернув себе шею.

Тут уж я включил фонарик и довольно быстро сориентировался. Немного выждав и убедившись, что шум моего падения не привлеч внимания нового сторожа, я стал пробираться в сторону выхода на Цветочную. С фонариком это было совсем не трудно, и всего через пару минут я оказался у того самого угла...

Сердце тяжело билось в груди, сзади что-то подозрительно шуршало, и все мои дурацкие страхи вновь нахлынули на меня из темных углов. Мне вдруг взбрело в голову, что плешивый именно этого и добивался. А потом я испуганно выключил фонарик и затаился, вжавшись в стену, потому что мне показалось, что я слышу за углом чье-то дыхание.

За углом, естественно, никого не оказалось. Убедившись в этом, я снова включил фонарик и, сжимая в руке пистолет, высунулся из-за угла. Смотреть там, правда, особо было не на что. Шестиметровый коридор, по идее заканчивавшийся выходом на Цветочную, на две трети длины был погребен под обломками.

Я, конечно, был не строителем и не спасателем МЧС, но выглядел завал довольно убедительно. Столетнее перекрытие, армированное прогнившими досками, не выдержало какого-то новомодного архитектурного решения и обрушилось вместе с едва начатой стеной. Основная часть обвала пришлась как раз на то место, где должен был стоять плешивый.

Я посветил фонариком и увидел, что выходящая на Цветочную дубовая дверь едва выглядывает из-за торчащих обломков слева. Присмотревшись как следует, я заметил рядом с ней что-то вроде ниши в стене коридора и невольно вздрогнул. Ниша располагалась так, что плешивый вполне мог переждать в ней обвал.

Единственным моим желанием было как можно скорее смыться из этого черного подземелья, но я взял себя в руки и решил, что раз уж я сюда залез, то должен прояснить вопрос с плешивым до конца. Мне жутко не хотелось лезть на эту кучу, тем более что в любую секунду обвал мог повториться, но я полез.

Штаны цеплялись за обломки досок, в руки впивались какие-то осколки, а я пыхтел как паровоз, но лез. А потом я вдруг начал ощущать какой-то запах – слегка сладковатый и

тошнотворный. От неожиданности я остановился. Запах пробивался из-под обломков. Точнее, его приносило едва заметным сквозняком со стороны ниши. И это вроде бы означало, что я могу поворачивать.

Тут обломки подо мной вдруг осели, я неловко дернул рукой и выронил фонарик. Он ударился обо что-то и погас. Я как раз пытался его нащупать, когда в темноте где-то совсем рядом раздалось приглушенное, но явственное попискивание.

Самое главное, что это произошло как раз тогда, когда я наконец-то «похоронил» плешивого и решил, что избавился от него навсегда. Фонарик погас, ветер подвывал за дверью, из углов доносились какие-то шорохи. В тот момент я был готов поверить во что угодно – даже в чудодейственную силу святых мощей. И я вдруг понял, что плешивый и не думал умирать.

Все было подстроено с самого начала. Точь-в-точь как в кошмарном фильме. Плешивый все рассчитал и загнал меня в угол. Он знал заранее, что я обязательно приду сюда, и не смог удержаться от дешевых эффектов в своем стиле. Это было яснее ясного, потому что только плешивый мог додуматься подбросить в нишудохлую кошку для запаха, а чтобы было еще смешнее, нацепил на нее пейджер.

Все это я понял в одну секунду и решил, что бороться с этим сумасшедшим бессмысленно. Может, в обычном понимании этого слова он и был психом, но психом гениальным. Просчитывать такие многоходовые комбинации и прибегать при этом к таким дешевым эффектам – это смахивало на полное сумасбродство. Но плешивый мог себе это позволить, потому что его комбинации были безукоризненны.

В общем, мне не оставалось ничего другого, как лезть в эту жуткую нишу, снимать сдохлой кошки дурацкий пейджер и читать идиотское сообщение психа-плешивого...

Глава 13

Нащупав в конце концов среди обломков фонарик, я включил его и двинулся вдоль стенки к темнеющей слева нише. Прогулка была не из приятных. Просвет постепенно сужался, тени прыгали над моей головой по уцелевшей части перекрытия, а запах дохлятины становился все ощутимее.

Правда, я уже почти не обращал внимания на все эти временные трудности. В тот момент я думал, не укокошит ли меня плешивый в нише каким-нибудь экзотическим способом, и если нет, то что он мне приготовил в качестве следующего номера программы.

Ответ скрывался в нише, и я упорно полз к ней. Вскоре перекрытие над моей головой превратилось в какое-то месиво из лопнувших деревянных балок, огромных кусков бетона и торчащих досок. До цели было уже рукой подать. Я осторожно протиснулся боком под стенкой, поднатужился и головой вперед съехал в нишу.

В нос сразушибанул тошнотворный запах. Не обращая на него внимания, я перевернулся ногами вниз, повел фонариком из стороны в сторону и удивился. Ниша была неглубокой – метра два с половиной, не больше. Завалило ее прилично, но при желании в ней, конечно, можно было переждать обвал. А потом выбраться.

Только дело было не в этом. Воняло жутко, а кошки нигде видно не было. Я осторожно переступил под стенкой и тут же испуганно отпрыгнул в сторону. Большой обломок с шумом съехал вниз и стукнул в стену. Зашуршала пыль. Чувствуя, как мгновенно вспотели ладони, я быстро навел фонарик на то место, где только что стоял, и невольно выругался.

С минуту я стоял как вкопанный. Я, конечно, ожидал от плешивого всякого, но он меня надул и в этот раз. Жуткий был человек – настоящий гений зла. Потому что даже после своей смерти он умудрился нагнать на меня такого страха, в сравнении с которым все эти жалкие наскоки людей Киргиза по мою душу казались просто невинными детскими шалостями.

Глава 14

Плешивый был мертв. Задыхаясь от вони и подавляя ежесекундные позывы к рвоте, я раскопал его и сверил прижизненный лик с посмертной маской. Сделал я это для того, чтобы раз и навсегда вычеркнуть плешивого из списка подозреваемых. Если вам это доставит хоть какое-то удовольствие, скажу, что у него был проломлен череп. Судя по всему, в последний момент он инстинктивно бросился к нише и был уже буквально в двух шагах от спасения, но как раз в этот момент его и сбило с ног...

Плешивый умер, но его пейджер продолжал жить. Не воспользоваться таким случаем было бы попросту глупо. Я не знал тогда, будет ли из этого хоть какой-то толк, но пейджер забрал. И деньги, кстати, тоже. Может, это и смахивало на мародерство, но это был не тот случай, чтобы изображать из себя белоручку.

Провернув все это, я почти тем же путем выбрался из музея. Свет в окне вагончика сторожа горел как ни в чем не бывало, так что операцию можно было считать успешно завершенной. Я перелез через забор и быстро пошел прочь.

Сообщение на пейджере я просмотрел только минут через десять, удалившись от музея на безопасное расстояние. Ничего загадочного и фантазмагорического в нем не было. Оно дублировало два предпоследних сообщения из памяти и выглядело так: «Все тихо срочно позвони по запасному Марат». Уже ни на что не надеясь, я начал просматривать оставшиеся сообщения.

Все они были подписаны тем же Маратом и почти не отличались от трех последних. Я окончательно потерял интерес к этому дурацкому пейджеру и хотел уже забросить его куда подальше. Но тут дошел до самого последнего сообщения. Выглядело оно так: «Сквере НИИ Пушкинской второй справа жду десять Клоун». Я прочитал его раза четыре, не меньше, и только потом понял, что оно означает.

Сообщений в памяти больше не было. Прочитав последнее еще раз, я расплющил пейджер каблуком и забросил в какую-то лужу. Шоры с моих глаз спали, и я понял, что никаких гениальных злодеев в природе не существует.

Все оказалось еще проще, чем я думал вначале. Тип с телефоном (читай – Клоун) назначил встречу плешивому на десять в сквере. Зачем – понятно. Плешивый задержался, пытаясь уйти от людей Киргиза. Тут типа с телефоном кто-то предупредил об опасности, и он по-быстрому смылся. А я так же по-быстрому пересел на его место...

Хорошего во всем этом, конечно, было мало, но в конце тоннеля наконец забрезжил рассвет, и я знал, что мне теперь делать.

Глава 15

После Цветочной я с бутылкой шампанского двинул на Философскую. В пакете вместе с шампанским было еще много чего, даже пара презервативов с усиками, но цель у меня была чисто деловой.

Лелька жила в «малосемейке» на двенадцатом этаже со своим оболтусом. Оболтуса она, правда, на лето отправила к родителям в деревню, а мужа у нее не было уже давно.

Приехав на Философскую, я полез на крышу двенадцатизатжки. Только не Лелькиной, а соседней. Их там построили целых шесть штук – одна к другой, и поначалу я их часто путал.

У людей Киргиза была моя анкета – с последним местом работы. А с Лелькой мы пересеклись как раз там. Время было детское – половина первого ночи. Как раз в это время наше местное телевидение с жутким качеством повторяло какой-то сериал. Лелька его наверняка смотрела. А я решил посмотреть, как она его смотрит.

Дождь к тому времени поутих, но приятного в этой ночной прогулке все равно было мало. Раз четыре стукнувшись головой о какие-то трубы и столько же раз ругнувшись, я кое-как добрался до края крыши и осторожно выглянул...

Телевизор у Лельки работал, но сказать, что она смотрела сериал, было бы не совсем правильно. Скорее она совмещала полезное с приятным. Лелька стояла, облокотившись о стол перед телевизором. Ее выцветший халат был высоко задран, и сзади к ней то и дело припадал тип с челкой и шрамом. Тот самый, которого мне описала продавщица. Узнал я его без труда, потому что почти на всех фотографиях из барсетки он был запечатлен рядом с Киргизом.

Лелька не закидывала голову, не стонала и не закусывала губ. Но и не сопротивлялась. К происходящему она относилась по-философски. Рука с пистолетом подрагивала на ее пышной ягодице, а она поглядывала на телевизор – чтобы быть в курсе передвижений главных героев.

А потом у типа со шрамом запиликал телефон. Телефон висел на поясе брюк, а брюки в это время у него были спущены до колен. Тут тип, как заправский акробат, не прекращая фрикций, дотянулся до телефона и сказал: «Алло!»

У Лельки летом жарко, и балконная дверь всегда нараспашку. Шум дождя, конечно, здорово мешал, но разговаривал тип довольно громко, и общий ход разговора я в общих чертах уловил. Киргиз, а это наверняка был он, спросил, как дела. Не прекращая фрикций, в одной руке с пистолетом, в другой – с телефоном, тип со шрамом сказал, что я пока не появлялся и навряд ли уже появлюсь.

Киргиз спросил что-то еще, тип со шрамом посмотрел на часы и ответил. Все это – по ходу полового акта. Они поговорили еще немного, и до меня дошло, что Киргиз здорово нервничает. Судя по реакции типа со шрамом, он что-то орал в трубку, но смысла в этом оре не было никакого. Киргиз, конечно, здорово отвлекал своей болтовней типа со шрамом, но тот держался молодцом – даже ритм умудрялся сохранять. Лелька осторожно прислушивалась к разговору, но и о сериале не забывала.

А потом Киргиз спросил, где я все-таки могу быть. Тип со шрамом пожал плечами и сказал что-то вроде того, что ночь подходящая и я скорее всего кружу где-то поблизости от особняка Киргиза. И тут Киргиз, видимо, здорово испугался.

Тип со шрамом дважды кивнул, отключил телефон и начал по-быстрому натягивать брюки. Лелька дернулась и удивленно оглянулась. Это было, конечно, свинство, но тип со шрамом уже не обращал на нее внимания. Оглянувшись, он кого-то позвал, и в комнату заглянул совсем молодой пацан – вроде Мерины.

Я сообразил, что он все это время торчал на крохотной кухоньке. Они сматывались – это было яснее ясного. Вконец расстроенная Лелька опустила халатик, а тип со шрамом еще и придушил ее напоследок. Не насмерть, а в воспитательных целях – чтобы звякнула, если я появлюсь. Потом они отбыли. Лелька, держась за шею, закрыла за ними дверь и пошла на кухню.

Вскоре в пелене дождя внизу вспыхнули фары, и бандиты Киргиза укатили окончательно. Я проводил машину взглядом и осторожно двинулся обратно к люку.

Глава 16

– Кто? – спросила за дверью Лелька.

– Почтальон Печкин! Открывай...

– Ты?!

– Я, я...

Лелька повернула замок и испуганно выглянула в щелку.

– Привет! – сказал я, налегая на дверь. – Чего уставилась? Давно не видела?

– Ты-ы... откуда?

– С того света. Шутка. Замотался с делами. Соскучился. Взял тачку и приехал. Держи.

– Что... это?

– Гостинцы.

– С чего вдруг?

– Шабашка подвернулась. Тащи все на кухню. Я сейчас.

Переодевшись в ванной в свои дежурные спортивные штаны с лампасами, я двинул на кухню и увидел, что Лелька плачет.

– Ты чего?

Лелька не ответила, я задернул занавеску, повернулся и опять спросил:

– Ты чего?

– Боже! Какие вы все гады и сволочи!

– Сковородку поставь.

– Чего?..

– Сковородку, говорю, поставь.

– За-зачем?

– Колбасы пожарим. Я голодный как волк.

– Сам ставь... Я в драном халате тут сижу, а он колбасой обжирается!

– Понятно, – сказал я, нагибаясь за сковородкой. – Что-то еще?

– Да!

– Выкладывай.

– Ты – гад, Иванов!

– Чего так?

– Я всю зиму без пальто пробегала, а у тебя денег немерено... Хоть бы когда тыщу подкинул... Или спросил, за что я тебя кормлю-пою...

– Намек понял. Денег я тебе дам. Зимой их у меня просто не было. Да и летом.

– Ага, не было! Расскажи кому другому... – заметно оживилась Лелька. – Все вы гады.

Им все условия, а они...

– Денег у меня не было. Я не вру. Где у тебя подсолнечное масло? В столе?

– Уйди, – наконец поднялась, утирая слезы, Лелька. – Я сама.

– Давно бы так, – сказал я, присаживаясь на ее место. – А че это на тебя вдруг нашло?

– Ничего на меня не нашло! Понял?

– Понял. А все-таки?

– Были они у меня, – шмыгнула носом Лелька.

– Кто – они?

– Бандюки, знамо дело, кто ж еще? Те, которые тебя ищут.

– Били? – спросил я.

– Не, – покачала головой Лелька. – Придушили только, видал – синяки на шее?

– Видал, – вздохнул я.

– Из-за тебя, гада...

– А чего они хотели?

– Как – чего? Тебя, знамо дело, уколошить. Ты ж их дружков порешил, а теперь они – в отместку. И главный ихний, татарин какой-то, что ли, как огня тебя боится. Вроде ты уж и деньги взял за него, значит... Тебе с яичницей али как?

– Как хочешь.

– Ты теперь Евграфыча убьешь, что ли?

– Какого Евграфыча?..

– Ну, кадровика нашего.

– А-а, понял... А за что его убивать?

– Так это ж он, гад, бандюкам про нас с тобой нашептал. Я видала, как этот, который с чубчиком, выходил от него сегодня. И адрес мой Евграфыч им дал – больше некому. А еще бывший офицер, отставник хренов... – всхлипнула Лелька.

Евграфыч был инспектором отдела кадров той самой конторы, в которой работала Лелька и в которой до недавнего времени работал я. У людей Киргиза была моя анкета, которую они забрали в кадровом агентстве на Пушкинской. Когда меня не удалось убить дома, тип с челкой отправился по месту моей последней работы и побеседовал с этим самым Евграфычем.

И бравый отставной офицер выложил бандитам все, что знал. Своих отношений со мной Лелька никогда не скрывала, и тип с челкой сообразил, что я обязательно у нее появлюсь. Адрес Лельки в отделе кадров имелся, Евграфыч безропотно дал его бандитам и этим спас свою шкуру. Поступил кадровик, конечно, нехорошо, но бог ему судья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.